

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР УКРАИНЦЕВ В ЗОНАХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ

НАДИЯ АНАТОЛЬЕВНА ПАСТУХ

(Институт народоведения Национальной академии наук Украины:
Украина, 79000, г. Львов, пр-т Свободы, д. 15)

***Аннотация.** На основе материалов полевых фольклорных исследований и в контексте широкого сравнительного анализа выявлено своеобразие жанровой морфологии украинского обрядового фольклора на украинско-молдавском пограничье. Обзор конкретных примеров такого своеобразия и сопоставления их с похожими явлениями на других порубежных территориях позволяет говорить о типологии жанровой модели пограничья. Так, в зонах межэтнических контактов (а это преимущественно периферия основного этнического массива) продолжают бытовать архаичные жанры обрядового фольклора (на украинско-молдавском порубежье таковы жатвенные колядки, песни-парованки, похоронные причитания и многие другие). Также в условиях порубежья жанровая система часто пополняется жанром или его разновидностью, нехарактерными для фольклорной традиции в целом (тесные контакты украинцев и молдаван проявляются в наличии в репертуаре украинцев жанра гейкань, плювиальных причитаний и др.). Сохранность и жизнестойкость отдельных жанров может быть отчасти вызвана консервацией однотипного жанра в соседней традиции (активное бытование причитаний в регионе характерно и для украинцев, и для молдаван). На пограничных территориях значение имеющих в одной традиции жанров ослабляется, зато параллельно происходят спорадические заимствования этих жанров другой традицией, в которой они изначально отсутствовали. Такое явление сближает разнотнические фольклорные традиции.*

***Ключевые слова:** жанровая система, обрядовый фольклор, украинско-молдавское пограничье.*

Совокупность обрядовых жанров устной словесности украинцев в зонах контактов с молдаванами¹ в основных своих чертах соответствует модели общеукраинской традиционной жанровой системы фольклора. С точки зрения полноты, сохранности, родовидового разнообразия и художественной ценности

фольклорная традиция украинцев в этом регионе представляет уникальное явление [Курочкин 1995, 99, 100; Мойсей 2010, 224]. Одним из важных факторов, влияющих на полноту фольклорного репертуара на порубежье, является сохранность / утраченность ритуальной и фольклорной культуры соседнего народа. В частности,

¹ Основой данного исследования послужили полевые материалы, собранные автором статьи совместно с О. Харчишиной в 2005–2009 гг. вблизи государственной границы Украины и Республики Молдова. На землях Украины: Каменец-Подольский, Дунаевецкий, Новоушицкий р-ны Хмельницкой обл., Мурованокурюловецкий, Шаргородский р-ны Винницкой обл., 2006 г., а также Заставновский,

польско-украинские культурные связи отразились, как утверждают исследователи, в отсутствии или редкости песенного фольклора на западном пограничье Северного Подляшья [Лукашенко, Похилевич 2006, 12]. С другой стороны, песенная традиция украинцев-полищук в нехарактерной для сегодняшнего дня полноте функционирует параллельно с активным бытованием фольклора белорусов, живущих по соседству. Народная культура молдаван и сегодня поражает богатством форм, разветвленностью обрядовых действий и наполненностью сопутствующего фольклорного репертуара. Молдавские фольклорные традиции поддерживают тонус культурного самовыражения украинцев на смежных территориях, и наоборот.

Жанровая специфика фольклора региона выражается в том, что наиболее разнообразно и богато представлен зимний календарно-обрядовый цикл, сохранившийся в активном живом бытовании. Даже семейная ритуальная культура в отдельных сегментах (свадебные обряды и песни) делегирует свои основные смыслы и функции зимней обрядности и фольклору [Харчишин 2014, 517, 518]. Семейные обряды ощутимо сохраняют генетическую связь с календарной обрядностью, нередко продолжая быть в определенной степени календарно зависимыми (календарная прикрепленность предбрачных *парований* и других молодежных игр, сходок; наличие «аграрной» погребальной обрядности и причитаний (плювиальный обряд «похороны куклы»); строгая календарная регламентация поминальных дней; общие для календарной и семейной обрядности действия, такие, как *пляс дружек на свадьбе* и *пляс с девушкой на Маланку* и т.д.). Еще сильнее такая слитность календарной и семейной культур проявляется на уровне перераспределения функций. Поэтому семейно-обрядовые песни органически

переплетаются календарными, демонстрируя много общих содержательных и художественных черт. Немало текстов являются общими для фонда календарно- и семейно-обрядовой песни (песни для *плясу Маланки* и *плясу дружек на свадьбе*, некоторые тексты *парованок*, веснянок и свадебных песен; крестильные и свадебные застольные песни и др.).

Сравнив жанровую морфологию фольклорной традиции украинцев на украинско-молдавском пограничье с общеукраинской жанровой системой (а также с системой жанров молдавского фольклора), можем обнаружить и попытаться объяснить схождения и расхождения в жанровой «номенклатуре» порубежья. Собранный в ходе экспедиций фольклорный и этнографический материал свидетельствует, что своеобразие жанровой системы обрядового фольклора украинцев на пограничных территориях, обусловленное в определенной мере межэтническим соседством, проявляет себя в ряде особенностей.

1. На украинско-молдавском порубежье и сегодня продолжают функционировать ***архаичные жанры, которые стали редкими или совсем утратились в «метрополиии»***. Пограничные земли издавна были периферией со слабо развитой коммуникацией, ограниченными возможностями передвижения, незначительным количеством городов, вялой связью с центром. Именно на таких территориях, по наблюдениям этномузыколога И. Мациевского, «...порой скрывается немало древних, даже реликтовых этнокультурных явлений, утерянных или модифицированных на основном национальном ареале, где интеграционные процессы, естественно, в рамках единого этноса протекают быстрее» [Мациевский 2007, 29]. Вместе с тем постоянные контакты с чужой этнической средой и соответственно устойчивая угроза утраты национальной самобытности способствовали

Кельменецкий р-ны Черновицкой обл., 2008 г.; на территории Республики Молдова: Фалештский, Единецкий, Окницкий, Дондюшанский р-ны, 2006 г.; Дрокиевский, Сынжерейский, Флорештский р-ны, 2007 г.; Бричанский р-н, 2008 г.; Дондюшанский, Единецкий р-ны, 2009 г. Все материалы сохраняются в Рукописном архиве Института народоведения НАН Украины в г. Львове [Архив]. Результаты совместных полевых исследований были представлены во вступительной статье подготовленного к печати сборника «Фольклор українців північної Молдови. Т. I. Пісні та речитативи / Записали, упорядкували Надія Пастух та Ольга Харчишин; нотні транскрипції Анни Черноус» [Архив. Ед. хр. 582. Л. 1–582], а также в ряде подготовленных в соавторстве публикаций [Пастух, Харчишин 2009; Пастух, Харчишин 2011; Харчишин, Пастух 2013].

культурно-бытовой самоизоляции этносов, а это, в свою очередь, сохраняло их фольклорную традицию. Маргинальный эффект и наличие внутренних тормозов к развитию, к культурным заимствованиям умножались и упрочнялись благодаря тому, что контактными оказывались славяно-неславянские народы, интерференция между которыми происходит сложно и медленно.

В украинских селах украинско-молдавского пограничья и сегодня удается фиксировать ряд этнокультурных реликтов. Один из них — колядование с архаичной привязкой к жатвенной традиции — так называемое *колядование на стерне* (на первом снопе). В центральной части украинского ареала о традиции открывать колядный сезон в начале жатвы, как правило, уже не помнят. Только на периферийных территориях, например на юге Хмельницкой, Винницкой, Тернопольской и Черновицкой обл., встречаются единичные, часто туманные, воспоминания [Архив. Ед. хр. 543а. Л. 58, 83, 108, 180; Архив. Ед. хр. 569. Л. 45; Архив. Ед. хр. 570. Л. 3, 32, 46, 68; Творун 2007, 37–39]. Наиболее полно и рельефно представлена *жатвенная колядка* и ее обрядовый контекст в украинских селах на севере Республики Молдова, где до недавних пор еще проводилась эта церемония. Можно было бы считать такой обычай узколокальным явлением, однако осколки воспоминаний о нем встречаются не только в зоне контактов украинцев и молдаван и не всегда на периферии украинских этнических земель. А это свидетельствует о том, что *колядование на стерне* когда-то, вероятно, покрывало достаточно широкую территорию Украины. Так, А. Крымский вспоминает о данном обряде в 1920-е гг. на Звенигородщине: «<...> когда отец нажнет снопа, тогда сядет на тот сноп и колядует колядку, какую-нибудь из тех колядок, которые колядуют на Рождество» [Крымский 2012, 354].

Другой памятник глубокой древности — колядки с космогоническими мотивами, не теряющие в исследуемом регионе своей актуальности и в XXI в.² Речь идет, прежде всего, об известной колядке

о сотворении мира голубями (ангелами, Господом и святыми Петром и Павлом), начальные записи которой датируются первой третью XIX в. В XX–XXI вв. данную колядку фиксировали очень редко и то лишь в зонах сохранения фольклорной традиции — Карпатах, Западном Подолье, Полесье. В ходе экспедиции в Республику Молдова 2007 г. в с. Николаевка Сынжерейского р-на удалось записать достаточно полный вариант этого сюжета [Архив. Ед. хр. 567. Л. 8]. Другая космогоническая колядка — о трех товарищах Солнце, Луне и Дожде — была зафиксирована в большинстве обследованных сел севера Молдовы в широкой вариативной парадигме.

Еще одним реликтом традиционной культуры являются особые песни *парованки*, исполнявшиеся во время *вечерниц* в осенне-зимний период в ходе древнего обряда *парования* молодежи, который проводился с целью сформировать будущие брачные пары. Впервые на него обратил внимание в селах севера Республики Молдова В. Панько в 1980-х гг. Структура обряда включает: 1) исполнение присутствующими на вечерницах специальной песни, которую поют с целью создания пары и в которой звучат имена определенных юноши и девушки; 2) исполнение в ответ на это «паруемыми» благодарственной песни (*дяка*); 3) в случае нежелания исполнять *дяка* (из-за застенчивости или по другой причине) — хоровое пение всеми присутствующими надлежущей «позорящей» песни [Панько 2009, 100]. Обряд зафиксирован и во время полевых исследований 2005–2009 гг.: записано примерно 30 текстов *песен-парованок*, территория бытования которых равномерно покрывает северную часть Республики Молдова. Также собрано множество интересных описаний обряда *вечерничных парований*. Например, в с. Белявинцы Бричанского р-на рассказывают: «*Це були клакі* («коллективная работа»: посиделки, вечерки. — Н. П.) *такі вечерами, там молодьож собираласа. Чи вишивали, прями нитки. І парували дівчину з хлопцом. Там разні пісні. Но я на ці вечерниці не ходила... То дівчина стіснялася, бо її*

² В большей части обследованных в Республике Молдова сёл колядки находятся в активном репертуаре украинцев старшего, а иногда и среднего возраста. Например, космогоническую колядку «Чом то не так же, як било прежде» исполняли во время колядных обходов в год ее фиксации (2007 г.).

парували з хлопцем, може бути, не з тим, який їй нравитця. Я даже помню, шось: “Ой добра мамалига (кукурузная каша. — Н. П.) з молоком, / Ой добра пара — Аня з Іваном!” Ось так. Шото такоє перевертали і парували дівчат. Як дівчині подобалося, то вона сміялася, весела була. А як бувало, дівку парували з якимсь таким старим, поганим, то вона відверталася і була недовольна» [Архив. Ед. хр. 582. Л. 26]. Помнят здесь и о способе приструнить чересчур надменных дивчину или парубка, отказывающихся дякувати/дзинькувати (благодарить) за парование. О более широкой географии бытования обряда и песен в прошлом свидетельствуют спорадические упоминания о подобных явлениях на «материковой» Украине [Климец 1990, 73; Харчишин 2010, 93, 94].

На консервации архаичных пластов этнокультуры в зоне украинско-молдавских отношений указывают также традиция похоронно-поминальных голошений и ее обрядовый контекст. Так, в большей части обследованных сёл обнаружены сравнительно недавние воспоминания об играх возле покойника, которые жителями других регионов Украины сегодня воспринимаются как настоящее святотатство. На периферийных же землях такие забавы продолжают расценивать как здоровое и вполне мотивированное эмоциональное раскрепощение и должное, даже оптимальное в таких обстоятельствах времяпрепровождение. Еще в XIX — начале XX в. игры возле покойника были распространены в разных местностях Украины, однако во второй половине XX в. сохранились лишь в зонах особой сохранности обрядовой культуры.

Оплакивание умершего в селах украинско-молдавского порубежья в настоящее время остается моральным долгом его родственников, признаком «хороших» похорон. В украинских селах на севере Республики Молдова, по неоднократным утверждениям их жителей, причитать «кажний може». Семья, пренебрегающая этим требованием, подвергается общественному осуждению: «Як в кого не голосять, то вже кажут: “Шо ж то за дочка, що не голосила за мамою, чи за татом, чи за братом, чи за сестрою?”» [Архив. Ед. хр. 524. Л. 24]. В текстах причитаний фигурируют поэтические и одновременно архаичные мотивы, порожденные

первобытными представлениями о смерти (ожидание в гости покойника на Рождество, Пасху и Троицу; призыв к умершему встать и поробити слідочки, которые осиротевшие родные будут сльозами вмивати, и др.).

Традиция похоронных причитаний активно функционирует в системе других разновидностей плача — пародийных, соромицких причитаний и причитаний при засухе. Об их бытовании как об основном из признаков этого региона уже упоминалось в трудах собирателей и исследователей причетной традиции украинцев [Коваль-Фучило 2012, 54]. В частности, здесь мы до сих пор фиксируем соромицкие причитания, которые «почти отсутствуют в других традициях» [Там же, 37]. Редкость сохранения такого вида причитаний даже в пассивной памяти показывает такая статистика: в последнем самом полном на сегодняшний день сборнике украинских причитаний среди более 1200 текстов лишь около 10 — соромицкие [Там же].

2. Еще одной особенностью системы обрядовых жанров, бытующих на украинско-молдавском пограничье, является наличие в ней **обусловленных межэтническим взаимодействием жанров или жанровых разновидностей, нехарактерных для фольклорной традиции центра**. Такое явление наблюдаем и в других украинских пограничных регионах. Например, белорусско-украинские взаимовлияния проявляются в бытовании волочевных песен на территории Западного Полесья и Северного Подляшья [Ошуркевич 1996, 150–152; Лукашенко, Похилевич 2006, 12]; российско-украинские тесные культурные связи объективируются в наличии в репертуаре жителей восточной части украинского Полесья масленичных песен [Кирчив 2002, 219, 220]. Молдавско-украинские отношения также отображаются в жанровой системе украинского фольклора всего Поднестровья и Днестровско-Прутского междуречья: прежде всего, в жанре *гейкань* — коллективном речитативном пении во время обрядовой пахоты под Старый Новый год. Речитативная форма обрядовых произведений свойственна именно молдавской фольклорной традиции. Под ее влиянием в зоне порубежья речитативом могут исполняться даже обычные украинские *щедривки* [Бостан

1985, 37]. Еще П. Нестеровский, описывая народные обряды и фольклор бессарабских украинцев, отмечал, что *гейканья* «носит на себе влияние соседнего молдавского населения» [Нестеровский 1905, 134]. Действительно, импульсом для появления такого жанра в украинской фольклорной традиции послужил молдавский обряд *плогушор* и исполняемая в его ходе декламация *хэитурэ*. *Плогушор* — один из древних обрядов, занимающих центральное место в молдавской системе календарных обычаев. Он представляет собой своеобразную полифонию, состоящую из текста-декламации *хэитурэ*, строфы которой неизменно заканчиваются криками «Хей, хей!» (которыми будто бы погоняют волов), и звуковой воссоздание процесса пахоты: на музыкальном инструменте *бухае* имитируется рев быка, звенит колокольчик и звучит хлопок кнута [Мироненко 1988, 22]. «Аналогичного (*хэитурэ*. — Н. П.) жанра в украинском фольклоре нет», — отмечает исследователь молдавско-украинских фольклорных связей Я. Мироненко, добавляя одновременно, что, однако, «в результате этнокультурных связей двух народов в районе Буковины и севера Молдовы возник жанр, родственник *хэитурэ*. В народе он определяется глаголом “гейкаты”, так же как, например, “колядовати”, “щедрувати”» [Там же, 95]. О перенимании элементов *плогушорного* обряда и сопутствующей рецитации от молдаван свидетельствует то, что обряд и жанр функционируют исключительно в зонах контактов украинцев с восточнороманским населением. На заимствование указывает и тот факт, что словесное сопровождение обрядовых действий в среде украинцев часто исполняется на родном языке соседей-молдаван. Так, в с. Проскуряны Рышканского р-на вспоминают: «*Кали ми були під окупацією румунів, то на Новий год брали бики, плуг і ходили повід хати, називалось “плогушора”. До того приповідали (приговаривали). З нами був “бугай” (бык), з дїжки (бочка) робили, шкірку натїгали, кінський хвіст. Кислий борщ — намастюєш руки, шо аж! Мороз, холодно. І за той хвіст: ву-ву-ву! А їден там читає, по-молдавські. Шо казали — не помню, по-молдавські більше» [Архив. Ед. хр. 524. Л. 27].*

Благоприятную почву для заимствования обычая обходить дворы, декламируя *хэитурэ*, подготовили как минимум

три обстоятельства: распространенная у украинцев традиция совершать новогоднюю обрядовую *пахоту-засевание волами*, наличие жанра *посеваний* с созвучными мотивами; присутствие в зимнем цикле песен с мотивами *пахоты зверями* или *птицами*. На связь между новогодними обрядами молдаван — *плогушор*, *соркова* — и украинцев — *пахота-засевание волами*, посевание — указывал Г. Бостан, одновременно подчеркивая, что, хотя украинские *гейканья* в ходе длительных контактов с молдавскими орациями обогатились новыми элементами содержания, всё же их сюжетная основа развивалась самостоятельно [Бостан 1985, 35–38]. В восточнороманском тексте *хэитурэ* подробно описан процесс пахоты поля, сбора урожая, выпечки хлеба, изображен идеализированный дом хозяев, а также провозглашены поздравления и пожелания всех благ домочадцам. По сути, так или иначе эти компоненты присутствуют и в украинском тексте, однако в такой форме, которая сразу опровергает любые предположения о прямом заимствовании мотивов, тем более об их *калькировании* (термин Е. Бартминского [Bartmiński 2006]). В завершение стоит вспомнить замечание Г. Бостан, что на Приднестровье заимствованные произведения существуют преимущественно в оригинале, т. е. фольклорные контакты формировались на уже готовом, «созревшем» материале. А в древних контактных зонах с многовековой традицией межэтнических контактов заимствованные у соседей тексты обнаруживают естественное творческое слияние нескольких разноэтнических элементов [Бостан 1987, 26, 27]. Именно такими и являются украинские *гейканья*: их мотивно-сюжетная основа выступает как самобытное явление, тесно связанное с моделями зимнего обрядового фольклора восточных славян, однако в ритмомелодическом интонировании угадывается музыкальная культура восточнороманских народов. Наряду с процессом вживления обычая *плогушор* в украинскую традиционную обрядность на украинско-молдавском пограничье наблюдаем единичные случаи его утраты в среде румын или молдаван под влиянием соседей-украинцев. Например, жители румыноязычного с. Колинковцы Хотинского р-на под влиянием украинских

соседей заменили традицию *плужных обходов* хождением «с музыкой», «с плясом» [Мойсей 2010, 143].

Также позаимствовали украинцы от своих соседей причитания в случае засухи, исполняемые во время обряда «похорон куклы» и направленные на то, чтобы отвратить затяжную засуху. Желая вызвать дождь, девочки изготавливали куклу, вкладывали ее в *трунце* и несли хоронить на *готар* (на границу), сопровождая такие действия голошением. Сам обряд и сопутствующие причитания, как и достаточно устойчивая вера в их эффективность, активно бытуют еще и сегодня. Плювиальные похороны куклы функционируют в среде украинцев только в зонах их контакта с восточнороманским населением (спорадически — в некоторых селах Новоселицкого, Кельменецкого, Заставновского, Сокирянского и Сторожинецкого р-нов Черновицкой обл., а также Новоушицкого р-на Винницкой обл., повсеместно — в украинских селах севера Республики Молдова)³.

3. Характерной чертой жанровой системы обрядового фольклора пограничья также является *присутствие жанров, сохранность и жизнестойкость которых вызвана отчасти активным бытованием подобного жанра в соседней фольклорной традиции*. Например, частотность фиксации украинских родильных и крестильных песен (на сегодня редчайших) на украинско-белорусском порубежье в некоторой степени обусловлена близостью белорусской фольклорной традиции, в которой упомянутые жанры выступают наиболее полно и компактно [Кирчив 2002, 228; Иваницкий 2007, 26]. У украинцев севера Республики Молдова, как уже отмечалось, сравнительно хорошо сохраняется в живом бытовании традиция похоронных причитаний. Удерживаются тексты в традиции, прежде всего, из-за хорошей сохранности погребального обряда, а также благодаря существованию разветвленной системы других разновидностей причитаний. Но одновременно на консервацию причетной

традиции украинцев, безусловно, влияет еще и активное бытование молдавских причитаний в среде соседей-молдаван, на чем неоднократно делали акцент сами респонденты. Так, в ответ на просьбу *заголосити* информаторы часто отнекивались, отсылая к молдаванам, мол, те «*дуже голосять словами — цілими текстами*» [Архив. Ед. хр. 567. Л. 65]. Украинцы знали основные составляющие модели молдавского причитания и могли при необходимости его исполнить. В ходе полевого обследования региона нам не единожды удавалось записать молдавские плачи от украинцев.

Аналогично поддерживаются соседней обрядовой культурой и украинские *маланковые* песни, которые бытуют в контексте новогоднего театрализованного обрядового комплекса *Маланка*. Исследователи (Г. Спотару, К. Квитка, Я. Мироненко, А. Иваницкий, О. Харчишин) обращали внимание на то, что в зоне украинско-молдавского пограничья *Маланка* и *маланковые* песни являются наиболее жизнестойкими, отмечены глубокой архаикой и разновременными наслоениями⁴. Песни о Маланке мы фиксировали в хорошо сохранившихся, довольно обширных вариантах абсолютно во всех обследованных пунктах севера Республики Молдова, наблюдая то же «сплошное» внутреннее заполнение ареала, когда «украинские варианты сменяются молдавскими без перерывов», которое описал Я. Мироненко на основе собственных экспедиционных записей в 1970–1980-х гг. [Мироненко 1988, 97].

4. Еще одна особенность жанровой системы обрядового фольклора украинцев на украинско-молдавском порубежье заключается в том, что в ней *отсутствуют (утрачены или мало представлены) некоторые жанры, которые традиционно бытовали во всем украинском ареале*. Например, сравнительно скуп здесь репертуар календарных песен весенне-летнего цикла. Полотнище бытования веснянок не покрывает весь исследуемый массив, а скорее представляет собой сетку

³ Подробнее о функционировании обряда «похорон куклы» и сопутствующих причитаний в украинских селах севера Республики Молдова можно прочитать в отдельной статье [Пастух 2013].

⁴ Подробнее о бытовании маланковых песен в контексте новогоднего театрализованного обрядового комплекса Маланка в украинских селах севера Республики Молдова можно прочитать в отдельной статье О. Харчишин [Харчишин 2014].

спонтанно «разбросанных» островков этой традиции. Такое наблюдение созвучно выводам, сделанным в результате полевых разысканий В. Панько: «Анализ фольклорного материала, собранного автором, свидетельствует о том, что в исследуемом регионе веснянки почти не сохранились как жанр, а то, что сохранилось, воспринимается как обычная песня, не связанная с обрядами и исполнением танца» [Панько 2009, 88]. В основном веснянки бытуют в тех селах, население которых еще хорошо сохраняет в памяти историю переселения из Хмельницкой, Винницкой или Черновицкой обл. Зато в поселениях, жители которых утверждают, что они здесь «з діда-прадіда», о весенних песнях, как правило, не слышали или не помнят. По свидетельствам исполнителей, обрядовая поэзия весеннего цикла бытовала преимущественно в досоветские времена. Ее утрату связывают, прежде всего, с советским периодом: «Як пішли в советську владу, то вже всьо пішло по-советському» [Архив. Ед. хр. 543. Л. 12]. Однако еще одной из вероятных причин загущания этого сегмента украинской устной традиции является отсутствие весенне-летней календарной песни в молдавском фольклоре, которое неоднократно отмечали фольклористы и этнологи [Мироненко 1988, 91; Мойсей 2010, 225].

Вследствие слабо представленной в молдавской свадьбе песенной составляющей, а также под мощным влиянием молдавско-румынской свадебной инструментальной и танцевальной традиции (свадебных оркестров) на землях Южной и Юго-восточной Буковины и на поднепровских просторах Восточного Подолья почти исчезла свадебная обрядовая песня. Записать свадебные народные песни на указанных землях было довольно проблематично уже в XIX в.: исследователи, описывая свадебные ритуалы, как правило, не приводят сопутствующие песни, а иногда прямо указывают на их отсутствие [Яблоновский 1905, 205–227; Казимир 1907, 200–208]. Например, один из собирателей подольского свадебного фольклора в XIX в. выделял днестровское побережье Подолья как «место соприкосновения с румынской народностью, влияние которой проявилось, в частности, в отсутствии свадебных песен»

[А. К. 1897, 3]. С другой стороны, встречаются и обратные случаи, когда жители молдавских сел, соседствуя с украинцами, перенимали у них традицию исполнять на свадьбах песни. Так, исследователи И. Чеховский и А. Мойсей, характеризуя брачные обычаи молдаван Верхнего Попрутья, констатируют: «В Тарасовцах, как и в других молдавских селах Верхнего Попрутья, на свадьбах пели очень редко. Этот обычай пришел в советские времена от соседей-украинцев. Традиционно же веселье выливалось главным образом через танец» [Чеховский, Мойсей 1998, 47].

Несколько слов стоит сказать о языке, на котором исполняются фольклорные произведения на межэтническом пограничье. В условиях слабой культурной связи с центром отчих земель и часто в сложных исторических условиях неприятия и блокирования общественно-культурных форм жизни одного общества другим значение традиционной устной словесности становится особенно важным: она исполняет роль идентификатора этнического характера этого общества. На так называемую *украинопевность* как доминанту этнического самосохранения украинцев в зонах тесного соседства с другим этносом или в условиях проживания в иноэтнической среде указывали многие исследователи. В частности, Т. Клиненко, изучая культуру украинцев Алтайского края, писала: «По моим наблюдениям, культурной осью, на которой держится этническая оригинальность, культурная живучесть украинцев в Алтайском крае, является песня. Есть еще украиноязычные села, улицы, семьи, но и там, где уже состоялась языковая русификация, живет народ украинопевный» [Клиненко 1996, 127]. Созвучную ситуацию описывают исследователи других контактных зон [Domagała 2007, 248; Супрун-Яремко 2005, 5; Касперович 2009, 24, 25]. Аналогичным является современный «феномен» украинского села Петруня Глодянского р-на, в котором «колядки все население исполняет на украинском языке, который был забыт и вышел из употребления» [Панько 2009, 18]. Именно фольклор, по нашим полевым наблюдениям, помогает сохранить свою этническую идентичность украинцам Республики Молдова. Устная словесность, особенно традиционный обрядовый фольклор, на пограничных землях в основном бытует

именно на родном языке — даже в той среде, где уже говорят на чужом.

Ранее мы уже отмечали, что жители пограничья в условиях межэтнического соседства нередко знали и параллельно исполняли жанры, принадлежащие соседним этносам. Обычным контекстом синхронного функционирования разноязычных произведений являются рождественские праздники, во время которых группы колядовщиков-украинцев могли посещать иноэтнические семьи, исполняя колядки на языке своих соседей. Классический пример такого добрососедства в праздничное время — взаимные *гостевания* украинцев и поляков на украинско-польском порубежье [Bartmiński 2006, 26–36]. Такую же ситуацию наблюдаем на украинско-молдавском пограничье. Жительница с. Белявцы рассказывает: «*Молдавани ходили колядувати до українців, а українці ходили до молдаван*» [Архив. Ед. хр. 582. Л. 13]. И те и другие знали тексты колядок из репертуара своих соседей и радушно их исполняли. Это же явление обнаруживаем в местах компактного проживания украинцев Румынии. Например, в украинских селах Сучавского уезда, как утверждает А. Мойсей, колядки исполнялись как на украинском, так и на румынском языке [Мойсей 2010, 136]. В отдельных селах билингвизм исполнения фольклорных произведений был преодолён таким образом, что колядки на разных языках стали петь на разные праздники. Так, в с. Молдовица, как утверждают респонденты, «*на Різдва колядують по-руськи* (на украинском), *на Новий рік — по-румунськи*» [Там же].

Констатируем интересное явление народного дословного перевода своих текстов на чужой язык, такого своеобразного песенного калькирования [Łesiów 1977, 192–194; Bartmiński 2006, 13–40], осуществляемого, как правило, с целью «подогнать язык песни под ожидания адресата» [Bartmiński 2006, 26]. Е. Барминский, исследуя функционирование паратекстов на смежных территориях украинцев и поляков, считал их особой чертой именно украинско-польского пограничья. В случае соседства языков славянской и романской групп такой дословный, «под копирку», перевод, конечно, невозможен. Всё же бытование песенных переводов (речь идет уже не о чисто фонетической корректировке) свойственно

и этому пограничному региону. В частности, в Глодянском р-не нам удалось записать свадебную песню из молдавского обрядового репертуара, переведенную на украинский язык и вошедшую в местный свадебный репертуар [Архив. Ед. хр. 524. Л. 37–38]. Заслуживает внимания фольклориста и бытование в среде украинцев пограничья иноязычных текстов. Одна из причин, как справедливо замечает М. Лесив, — заимствование обряда и сопутствующей песни у соседей при отсутствии их в своей культуре [Łesiów 1977, 176–178, 182, 194]. Именно таким образом, по мнению исследователя, на украинско-польском пограничье в репертуар поляков попали украиноязычные *гаивки* [Там же, 178]. Среди жанров, исполняемых украинцами на украинско-молдавском порубежье, также присутствуют иноязычные тексты, заимствованные у соседей из-за отсутствия аналогичных явлений в своей культуре. Мы уже имели возможность наблюдать, как перенятый от молдаван обряд хождения «с бугайом» сопровождается *гейканнями* на их же языке. Обнаруживаем факты заимствования иноязычных текстов даже в случае наличия однотипных жанров в своей фольклорной жанровой системе. Например, могут параллельно бытовать на украинском и чужом языках такие жанры, как заклинания, причитания (особенно ocasionальные). Синхронно функционируют в первую очередь те жанры, магическая природа которых очевидна. Не последнюю роль в таких случаях, по нашему мнению, играет иностранный язык, которому (как и бессмысленному набору слов, абракадабре) приписывалась особая чудодейственная сила.

Итак, исследование своеобразия жанровой системы украинского обрядового фольклора на землях украинско-молдавского пограничья и сопоставление их с подобными явлениями на других пограничных территориях позволяет говорить о типологии жанровой модели пограничья. В зонах межэтнических контактов продолжают, как правило, бытовать редкие архаичные жанры обрядового фольклора, причем их сохранность и жизнестойкость оказываются частично обусловленными хорошей консервацией жанра того же типа в соседней фольклорной традиции. Кроме того, жанровая

система вследствие тесных межэтнических культурных взаимоотношений может пополняться жанром или жанровой разновидностью, нехарактерными для фольклорной традиции в целом, или, наоборот, терять традиционно распространенные во всем ареале и не имеющие локального характера жанры. Можно проследить, как на пограничных

территориях разноэтнические фольклорные традиции, а также этнографический контекст, в котором они бытуют, приближаются друг к другу: значение имеющихся в одной традиции жанров ослабляется, зато параллельно происходит спорадические заимствования этих жанров другой традицией, в которой они изначально отсутствовали.

Литература

А. К. 1897 — [А. К.] Свадебные песни, записанные в Подольской губернии / Оттиск из ж-ла «Киевская старина». 1897.

Бостан 1985 — *Бостан Г. К.* Типологическое соотношение и взаимосвязи молдавского, русского и украинского фольклора. Кишинев, 1985.

Бостан 1987 — *Бостан Г. К.* Молдавско-руско-украинские взаимосвязи контактных зон (в контексте исторической родственности устно-поэтических традиций): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1987.

Иваницкий 2007 — *Иваницький А.* Исторична Хотинщина. Музично-етнографічне дослідження: Збірник фольклору. Вінниця, 2007.

Казимир 1907 — *Казимир Е.* Из свадебных и родинных обычаев Хотинского уезда, Бессарабской губернии // Этнографическое обозрение. 1907. № 1–2. С. 200–208.

Касперович 2009 — *Касперович Г.* Этнокультурные процессы на белорусско-украинском пограничье // Народна творчість та етнографія. 2009. № 4–5. С. 24–25.

Кирчив 2002 — *Кирчів Р.* Из фольклорных регионов Украины: Рисунки и статьи. Львов, 2002.

Климец 1990 — *Климец Ю.* Купальська обрядовість на Україні. Київ, 1990.

Клинченко 1996 — *Клинченко Т.* Культура та уклад життя українців Алтайського краю // Мистецтво і традиційна культура українського зарубіжжя. Львів, 1996. С. 125–129.

Коваль-Фучило 2012 — *Голосіння / Упоряд. І. Коваль-Фучило.* Київ, 2012.

Крымский 2012 — *Кримський А.* Жнива / Публ. Л. Виноградської // Народознавчі Зошити. 2012. № 2. С. 353–360.

Курочкин 1995 — *Курочкин О.* Українські новорічні обряди: «Коза» і «Маланка». Опішне, 1995.

Лукашенко, Похилевич 2006 — *Традиційні пісні українців Північного Підляшся за матеріалами експедицій 1999–2001 років / Упоряд. Л. Лукашенко та Г. Похилевич.* Львів, 2006.

Мацевский 2007 — *Мацієвський І.* Проблеми маргінальних українських етноісторичних масивів сучасного зарубіжжя // Нове життя старих традицій: Традиційна українська куль-

тура в сучасному мистецтві і побуті. Луцьк, 2007. С. 26–36.

Мироненко 1988 — *Мироненко Я. П.* Молдавско-украинские связи в музыкальном фольклоре: история и современность. Кишинев, 1988.

Мойсей 1010 — *Мойсей А. А.* Аграрні звичаї та обряди у народному календарі східнороманського населення Буковини. Чернівці, 2010.

Нестеровский 1905 — *Нестеровский П. А.* Бессарабские русины: Историко-этнографический очерк. Варшава, 1905.

Ошуркевич 1996 — *Ошуркевич О. Ф.* Релікти волочєбних звичаїв на захід-ноукраїнському Поліссі // Полісся: мова, культура, історія: Матеріали Міжнародної конференції. Київ, 1996. С. 150–152.

Панько 2009 — *Панько В.* Песенный фольклор украинцев севера Республики Молдова. Календарная и обрядовая поэзия. Кишинев, 2009.

Пастух 2013 — *Пастух Н.* Обряд «похорон ляльки» та супровідні голосіння на теренах українсько-молдовського пограниччя // Локальна та регіональна специфіка традиційної культури: Збірник наукових праць. Одеса, 2013. С. 404–415.

Пастух, Харчишин 2009 — *Пастух Н., Харчишин О.* Традиційний фольклор українців північної Молдови: актуальність та специфіка дослідження // Народна творчість та етнографія. 2009. № 2. С. 40–46.

Пастух, Харчишин 2011 — *Пастух Н., Харчишин О.* Український фольклор як чинник етнічної ідентичності українців Республіки Молдова // Народознавчі Зошити. 2011. № 3. С. 391–401.

Супрун-Яремко 2005 — *Супрун-Яремко Н. О.* Українці Кубані та їхні пісні. Київ, 2005.

Творун 2007 — *Творун С.* Колядування на жнивах // Народна творчість та етнографія. 2007. № 3–4. С. 37–39.

Харчишин 2010 — *Харчишин О.* Пісні-паровани в обрядовій традиції українців Молдови // Міфологія і фольклор. 2010. № 3–4. С. 92–103.

Харчишин 2014 — *Харчишин О.* Маланкові пісні українців півночі Молдови: поетичний аспект (переосмислення мотивів) // Народознавчі Зошити. 2014. № 3. С. 514–528.

Харчишин, Пастух 2013 — Харчишин О., Пастух Н. Фольклор українців Молдови як невід’ємна складова української уснонародної традиції (на прикладах колядок архаїчної форми) // Родина Колессів — спадкоємність науково-мистецьких традицій (з нагоди 140-річчя від дня народження академіка Філарета Колесси). Львів, 2013. С. 165–178.

Чеховский, Мойсей 1998 — Чеховський І., Мойсей А. Дохристиянські витоки і слов’янські паралелі шлюбної обрядовості молдаван Верхнього Попруття (на матеріалах Новоселицького району Чернівецької області). Чернівці, 1998.

Яблоновский 1905 — Яблоновський В. Весилля в с. Отаках // Киевская старина. 1905. Т. LXXX. С. 205–227.

Bartmiński 2006 — Bartmiński J. Ludowe parateksty w kulturze pogranicza polsko-ukraińskiego // Spotkania polsko-ukraińskie. Język-Kultura-Literatura / Pod red. H. Pelcowa. Chełm, 2006. S. 13–40.

Domagała 2007 — Domagała B. Ukraińcy na Warmii i Mazurach. Między zachowaniem tożsamości językowej a językową asymilacją // Lud. 2007. T. 91. S. 231–252.

Łesiów 1977 — Łesiów M. Folklor pogranicza polsko-ukraińskiego // Literatura ludowa i literatura chłopska: Materiały z ogólnopolskiej naukowej sesji folklorystycznej 16–18. II. 1973. Lublin, 1977. S. 173–194.

Сокращения

Архив — Рукописный архив Института народо­ведения НАН Украины, г. Львов. Ф. 1. Оп. 2

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отделения фольклористики Института народо­ведения Национальной академии наук Украины: Украина, 79000, г. Львов, пр-т Свободы, д. 15; тел.: (00380322) 72-70-12; e-mail: npastukh@gmail.com

RITUAL FOLKLORE OF UKRAINIANS IN THE AREAS OF ETHNO-CULTURAL BORDERLAND

NADIJA PASTUKH

(The Ethnology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine:
15, Svobody av., L'viv, 79000, Ukraine)

Summary. *Uniqueness of genre morphology of Ukrainian folklore at Ukrainian-Moldavian borderland is revealed on the basis of the material of field folklore research, taking into account a broader comparative analysis. Review of specific examples of ethnic originality and their comparison to similar phenomena elsewhere in borderland territories let us suggest about the typology of genre borderlands model in general. Several peculiarities characterize this model. There in the zones of interethnic contacts (usually at the periphery of main ethnic massif) rare archaic folkloric genres, as a rule, continue to exist (on the Ukrainian-Moldavian borderland these are harvest “kolyadka”-carols, funeral laments, “parowanky” — youngsters’ erotic ludic songs). Also, in the condition of neighboring of two or more ethnic groups, the genre system is often enriched by genres or genre types that are not typical for folklore tradition in general (for example, close contact between Ukrainians and Moldavians become evident because of the existence of a genre like “heikannya”, pluvial laments in Ukrainian repertoire). Tradition on spring-summer calendar song genres and wedding song lyrics is significantly weak on the Ukrainian-Moldavian borderland, which is partly determined by their low appearance in the repertoire of neighboring Moldavians. In general, there on borderland territories multiethnic folklore traditions, as well as ethnographic context that they exist in, approach each other more closely. More intense interrelations may weaken meaning of given genres that are present in one tradition. Sporadic borrowing of certain genres by another tradition may happen despite they were previously not present there.*

Key words: *system of genres, ritual folklore, the Ukrainian-Moldavian borderland.*

References

[A.K.] (1897) Svadebnye pesni, zapisannye v Podol'skoy gubernii. Ottisk iz zh-la “Kievskaya

starina” [Wedding Songs, recorded in the Podol’ Province <since 1914: Vinnica > Reprint]. In Russian.

Bartmin'ski J. (2006) Lyudove parateksty v kul'tuzhe pogranicha pol'sko-ukrain'skogo [Peoples' Paratexts in the Culture of Polish-Ukrainian Borderland]. *Spotkanya pol'sko-ukrain'skie. Jazyk-Kultura-Literatura* [Russian-Ukrainian Sessions. Language-Culture-Literature]. Ed by Pelcowa H. Chelm. Pp. 13–40. In Polish.

Bostan G. K. (1985) Tipologicheskoe sootnoshenie i vzaimosvyazi moldavskogo, russkogo i ukraïnskogo fol'klora [Typologic Correspondence and Interrelations between Moldavian, Russian and Ukrainian Folklore]. Kishinev. In Russian.

Bostan G. K. (1987) Moldavsko-russko-ukraïnskie vzaimosvyazi kontaktnykh zon (v kontekste istoricheskoy rodstvennosti ustno-poeticheskikh traditsiy) [Moldavian-Russian-Ukrainian Interrelations in the Contact Areas (in the Context of Historical Kinship of Oral Poetic Traditions). Grand PhD Thesis (Philology)]. Moscow. In Russian.

Chekhov's'kiy I., Moysey A. (1998) Dokhrystyans'ki vytoky i slov'jans'ki paraleli shlyubnoi' obryadovosti moldavan Verkh'nogo Popruttya (na materialakh Novoselyts'kogo rajonu Chernivets'koï oblasti) [Pre-Christian Sources and Slavic Parallels in Wedding Rituals among Moldavians of the Upstream of Prut the River (exemplified in Novoselytskiy District of Chernivtsi Region)]. Chernivtsi. In Ukrainian.

Domagala B. (2007) Ukraïntsy na Varmii i Mazurakh. Mendzy zakhovanyem tozhshamoshchi jazykowey a jazykowon asymilacjon [Ukrainians of Warmia and Mazury. Between the Preservation of Linguistic Identity and Linguistic Assimilation]. *Lud* [People]. 2007. Vol. 91. Pp. 231–252. In Polish.

Golosinnya (2012) [Laments]. Ed. by I. Koval'-Fuchylo. Kyi'v. In Ukrainian.

Harchyshyn O. (2014) Malankovi pisni ukraïnciv pivnochi Moldovy: poetychnyj aspekt (pereosmyslennya motyviv) [Malankovi Songs among Ukrainians of the Northern Moldova: Poetic Dimension (Reframe of the Motive)]. *Narodoznavchi zoshyty* [Ethnography Booklets]. 2014. No. 3. Pp. 514–528. In Ukrainian.

Harchyshyn O. (2010) Pisni-parovanky v obryadovij tradycii' ukraïnciv Moldovy ["Parovanky" < Youngsters' Erotic Ludic > Songs in Ritual Tradition among Ukrainians of Moldova]. *Mifologija i fol'klor* [Mythology and Folklore]. 2010. No. 3–4. Pp. 92–103. In Ukrainian.

Harchyshyn O., Pastukh N. (2013) Fol'klor ukraïnciv Moldovy jak nevid'jemna skladova ukraïns'koï usnonarodnoi' tradycii' (na prykladah koljadok arhaičnoï formy) [Folklore of Ukrainians in Moldova as an Unalienable Component of the Ukrainian Oral Folk Tradition (Exemplified in Archaic Folrms of "Kolyadki" <Magnificats>)]. *Rodyna Kolessiv — spadkojennist' naukovomystets'kyh tradycij (z nagody 140-rich-*

chia vid dnia narodzhennia akademika Filareta Kolessy) [Kolessa Family: Continuity of Scholarly and Arts Tradition. Ad honorem of 140th Anniversary of Academician Filaret Kolessa's Birthday]. Lviv. Pp. 165–178. In Ukrainian.

Ivanyts'kyj A. (2007) Istorychna Hotynshchyna. Muzychno-etnografichne doslidzhennia. Zbirnyk fol'kloru [Historical Khotin County. Musicological and Ethnographic Studies. Folklore Anthology]. Vinnytsya. In Ukrainian.

Jablonov's'kyj V. (1905) Vesyllia v s. Otakah [Joy in Otaky Village]. *Kyevskaja starina* [Kyiv Antiquity]. 1905. Vol. 80. Pp. 205–227. In Ukrainian.

Kazimir E. (1907) Iz svadebnykh i rodynnykh obychev Khotinskogo uезда, Bessarabskoy gubernii [Wedding and Maternity Customs in Khotin County of Bessarabia Province]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1907. No. 1–2. Pp. 200–208. In Russian.

Kasperovich G. (2009) Etnokul'turnye protsessy na belorussko-ukraïnskom pogranich'e [Ethno-cultural Processes on the Belarusian-Ukrainian Borderland]. *Narodna tvorchist' ta etnografiya* [Folk Creativity and Ethnography]. 2009. No. 4–5. Pp. 24–25. In Russian.

Kyrchiv R. (2002) Iz fol'klornykh regioniv Ukraï'y. Narysy i statii [From Folklore Regions of Ukraine. Essays and papers]. Lviv. In Ukrainian.

Klymets' J. (1990) Kupal's'ka obryadovist' na Ukraïni [Kupala < St. John the Baptist's Feast > Rituals in Ukraine]. Kyi'v. In Ukrainian.

Klynchenko T. (1996) Kul'tura ta ukklad zhyttia ukraïnciv Altajs'kogo kraju [Culture and Customs of Live among Ukrainian of the Altay Region]. *Mystectvo i tradycijna kul'tura ukraïns'kogo zarubizhzhja*. [Arts and Traditional Culture of the Ukrainian Diaspora Abroad]. Lviv. Pp. 125–129. In Ukrainian.

Kryms'kyj A. (2012) Zhnyva. Publykacija L. Vynogradskoi' [Harvest. Published by L. Vinogradskaya]. *Narodoznavchi Zoshyty* [Ethnographic Booklets]. 2012. No. 2. Pp. 353–360. In Ukrainian.

Kurochkin O. (1995) Ukraïns'ki novorichni obryady: "Koza" i "Malanka" [Ukrainian New Year Rituals: "Goat" < the Goat > and "Malanka"]. Opishne. In Ukrainian.

Lesiuw M. (1977) Folklor pogranicha pol'sko-ukraïnskogo [Folklore of the Polish-Ukrainian Borderland]. *Literatura ludova i literatura chlops'ka. Materialy z ogulnopolskiej naukovej sesji folklorystycznej* [Folk Literature and Peasant Literature. Papers of the National Science Folklore Session]. Lublin. 16–18. II. 1973. Pp. 173–194. In Polish.

Macyevskij I. (2007). Problemy marginal'nykh ukraïns'kykh etnoistorychnykh masyviv suchasno-go zarubizhzhja [Problems of Margin Ukrainian Ethno-Historical Massifs of the Modern Trans-Frontier]. *Nove zhyttja starykh tradycij: Tradycijna*

ukraińs'ka kul'tura v suchasnomu mystectvi i po-butu [New Life of the Old Tradition: Traditional Ukrainian Culture in Art and Everyday Life Nowadays]. Luc'k. Pp. 26–36. In Ukrainian.

Mironenko Ya. P. (1998) Moldavsko-ukrain-skie svyazi v muzykal'nom fol'klore: istoriya i sovremennost' [Moldavian-Ukrainian Relations in the Music Folklore: History and Nowadays]. Kishinev. In Russian.

Mojsej A. A. (2010) Agrarni zvychai' ta ob-rjady u narodnomu kalendari shidnoromans'kogo naselennja Bukovyny [Agrarian Customs and Rituals in the Folk Calendar of the Eastern-Romanian Population of Bukovina]. Chernivci. In Ukrainian.

Nesterovski P. A. (1905) Bessarabskie rusyny. Istoriko-etnograficheskiy ocherk [Bessarabian Rusyns < Karpato-Ruthenians>. Historical-Ethnographic Essay]. Varshava. In Russian.

Oshurkevych O. F. (1996) Relikty volochenyh zvychai'v na zahid-noukraińs'komu Polissi [Relicts of the Volochenn'ye < Douching > Customs at the Western-Ukrainian Polesse]. *Polissja: mova, kul'tura, istorija: materialy mizhnarodnoi' konferencii'* [Polesse: Language, Culture, History: Proceedings of the International Conference]. Kyi'v. Pp. 150–152. In Ukrainian.

Pan'ko V. (2009) Pesennyi fol'klor ukraintsev Severa Respubliki Moldova. Kalendarnaya i ob-ryadovaya poeziya [Song Folklore of Ukrainians in the Northern Part of Moldova Republic: Calendar and Ritual Poetry]. Kishinev. In Russian.

Pastukh N. (2013) Obrjad "pohoron ljal'ky" ta suprovodni golosinnja na terenah ukraińs'ko-moldovs'kogo pogranychchja [Puppet's Funeral — the Ritual and Accompanying Laments at

Ukrainian-Moldavian Borderland Territories]. *Lokal'na ta regional'na specyfika tradycijnoi' kul'tury. Zbirnyk naukovykh prac'* [Local and Regional Specifics of Traditional Culture. Collected scholarly papers]. Odesa. Pp. 404–415. In Ukrainian.

Pastukh N., Harchyshyn O. (2009) Tradycijnyj fol'klor ukraińciv pivnichnoi' Moldovy: aktual'nist' ta specyfika doslidzhennia [Traditional Folklore among Ukrainians of the Northern Moldova: Relevance and Specifics of Studies]. *Narodna tvorchist' ta etnografija* [Folk Creativity and Ethnography]. 2009. No. 2. Pp. 40–46. In Ukrainian.

Pastukh N., Harchyshyn O. (2011) Ukra-ińs'kyj fol'klor jak chynnyk etnichnoi' identychnosti ukraińciv Respubliki Moldova [Ukrainian Folklore as a Factor of Ethnic Identity of Ukrainians]. *Narodoznavchi Zoshyty* [Ethnographic Booklets]. 2011. No. 3. Pp. 391–401. In Ukrainian.

Suprun-Yaremko N. O. (2005) Ukraińtsi Kubani ta l'khni pisni [Ukrainians at Kuban' and their Songs]. Kyiv. In Ukrainian.

Tradycijni pisni ukraińciv Pivnichnogo Pid-ljashshja za materialamy ekspedycij 1999–2001 rokiv Larysy Lukashenko ta Galyny Pohylevych (2006) [Traditional Songs of Ukrainians of the Northern Polesye according to the Field Work Materials 1999–2001, recorded by Larisa Lukashenko and Galina Pohylevich]. L'viv. In Ukrainian.

Tvorun S. (2007) Koliaduvannia na zhny-vah ["Kolyaduvannia" <the Caroling Rite> at Harvest]. *Narodna tvorchist' ta etnografija* [Folk Creativity and Ethnography]. 2007. No. 3–4. Pp. 37–39. In Ukrainian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: npastukh@gmail.com

Tel.: (00380 322) 72-70-12

15, Svobody av., L'viv, 79000, Ukraine

PhD (Philology), senior researcher, Folkloristics Department, The Ethnology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine
